

© 2021. Н. В. Солодов
(Иерей Николай Солодов)
Московская духовная академия
г. Сергиев Посад, Россия

Повесть И. Г. Шадрина «Бурса»: источники и прототипы

Аннотация: Статья посвящена анализу повести Иларию Шадрин «Бурса». Автор работы выявляет действительно имевшие место исторические обстоятельства и фактически верные описания лиц, служивших прототипами героев повести. Исходя из текста художественного произведения, с привлечением широкого круга дополнительных, в том числе архивных источников, реконструируется картина повседневной жизни Вологодской семинарии, намечаются биографические портреты преподавателей и учащихся. Автор статьи отмечает, что художественные образы, созданные Иларию Шадриным, не являются исторически точными портретами и объективными характеристиками реальных персон. Констатируется, что повесть «Бурса» содержит мало точных указаний на даты. Ее несомненная ценность заключается в россыпи наблюдений, подробностей, бытовых деталей, которые были уловлены и запечатлены автором. Именно конкретные живые зарисовки, а не публицистические полемические аргументы составляют главную ценность произведения Иларию Шадрин. Аналитическое изучение художественного мира повести и других источников позволяет автору статьи сделать вывод о том, что писатель был излишне погружен в собственные переживания, в обдумывание обстоятельств и роли в них его собственной персоны.

Ключевые слова: Иларию Шадрин, Вологодская семинария, бурса, духовенство, Вологодская епархия, прототип, литературный герой, правдоподобие, творческая история, авторская позиция.

Информация об авторе: Николай Викторович Солодов, кандидат физико-математических наук, старший преподаватель кафедры церковно-практических дисциплин, Московская духовная академия, Троице-Сергиева Лавра, 141300 г. Сергиев Посад, Московская область, Россия.

E-mail: nsolodov@gmail.com

Дата поступления статьи в редакцию: 02.06.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 13.08.2021

Дата публикации статьи: 30.09.2021

Для цитирования: Солодов Н. В. Повесть И. Г. Шадрин «Бурса»: источники и прототипы // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 3. С. 172–189. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-3-172-189>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 3, 2021, pp. 172–189. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 3, 2021, pp. 172–189. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. **Nikolay V. Solodov**
(**Priest Nikolay Solodov**)
Moscow Theological Academy
Sergiev Posad, Russia

The Story *Bursa* by I. G. Shadrin: Sources and Prototypes

Abstract: The article is devoted to the analysis of the story *Bursa* by Ilariy Shadrin. The author reveals historical circumstances that actually took place and true descriptions of the persons who served as prototypes of the story heroes. Based on the text, involving a wide range of additional sources, including archival, the picture of the daily life of the Vologda Seminary is reconstructed, biographical portraits of teachers and students are outlined. The author notes that the artistic images created by Ilariy Shadrin are not historically accurate portraits and objective characteristics of real persons. It is stated that the story “Bursa” contains few precise indications of the dates. Its undoubted value lies in the scattering of observations, particulars, everyday details captured by the author. It is concrete living sketches, not journalistic polemical arguments, that constitute the main value of Ilariy Shadrin’s work. An analytical study of the artistic world of the story and other sources allows the author to conclude that the writer was excessively immersed in his own experiences, in thinking over the circumstances and the role of his own person in them.

Keywords: Ilariy Shadrin, Vologda seminary, bursa, clergy, Vologda diocese, prototype, literary hero, credibility, creative history, author’s position.

Information about the author: Nikolai V. Solodov, PhD of Physics and Mathematics, Senior Lecturer of the Department of Church Practical Disciplines, Moscow Theological Academy, Trinity-Sergius Lavra, 141300 Sergiev Posad, Moscow Region, Russia.

E-mail: nsolodov@gmail.com

Received: June 02, 2021

Approved after reviewing: August 13, 2021

Published: September 30, 2021

For citation: Solodov, N. V. “The Story *Bursa* by I. G. Shadrin: Sources and Prototypes.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 3, 2021, pp. 172–189. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-3-172-189>

Имя писателя Иларию Григорьевича Шадрина (1872–1934) сейчас мало известно. Сведения о нем отсутствуют в энциклопедиях. Нет ни одного специального исследования, посвященного его жизни и творчеству.

Архивные материалы о Шадрине попадали в поле зрения исследователей. На их основе подготовлена биобиблиографическая статья Д. С. Глебовой для завершающего тома (Ш–Я) словаря «Русские писатели. 1800–1917». Обстоятельные выписки из повести Шадрина «Бурса» сделаны ранее митрополитом Иларионом (Алфеевым) для очерка, посвященного проблемам духовного образования [Иларион]; они послужили иллюстрацией общих процессов, происходивших в русских семинариях конца XIX – начала XX вв.

Несомненная ценность повести «Бурса» заключается в художественно точном описании обучения в Вологодской духовной семинарии и отчасти жизни духовенства Вологодской епархии 1890–1900-х гг. Историческую картину воссоздают бытовые и портретные зарисовки Шадрина, подмечавшего такие подробности, которые редко обнаруживаются в официальных документах или мемуарах.

Узнаваемость образов повести «Бурса» и описанных событий приводила к тому, что современники ошибочно принимали художественный текст за исторический источник. Сопоставление повести с выявленными архивными документами дает возможность наблюдать результаты творческой работы Шадрина с материалами его жизненных наблюдений, а также увидеть дистанцию, разделяющую в творческой лаборатории писателя прототип и художественный образ.

Сведения о прототипах персонажей повести «Бурса» и об истории Вологодской духовной семинарии были обнаружены в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и Государственном архиве Вологодской области (ГАВО).

Черновики и дневниковые записи Шадрина хранятся в фонде писателя в РГАЛИ. Объемный Дневник¹ (348 л.) содержит, кроме собственно дневниковых записей, черновики и наброски. По всей видимости, с самого начала предполагалась возможность его прочтения посторонними. На страницах встречаются пометы и записи предположительно брата Шадрина.

Официальные документы Вологодской семинарии сохраняются в ГАВО. Журналы педагогических собраний, рапорты инспектора о поведении воспитанников, сведения об учащихся — это ценные источники для анализа творческой истории повести Шадрина.

«Епархиальные ведомости» являются малоизученным и при этом богатейшим источником по истории России и Русской Православной Церкви второй половины XIX в. Не исключение «Вологодские епархиальные ведомости», печатавшие на своих страницах отчеты о товарищеских съездах выпускников Вологодской семинарии 1894 г. Организаторами таких встреч были однокурсники Шадрина — активные выпускники И. С. Бачалдин, Н. Н. Следников (впоследствии епископ Неофит), священник кафедрального собора о. Михаил Поддьяков, Н. В. Соловьев; они поддерживали связь с однокашниками и писали о состоявшихся встречах [Бачалдин; Следников].

В Куженерском историко-краеведческом музее (Республика Марий Эл) обнаружена фотография выпускников 1894 г., сделанная во время первого съезда (1904), с подписями на обороте. Этот фотодокумент дает представление о том, как выглядели многие семинаристы, описанные в повести «Бурса», насколько художественное описание совпадает с внешностью прототипа.

Сохранились и мемуары современников о Вологодской семинарии и Вологодской епархии. К наиболее подробным, взвешенным и информативным относятся воспоминания Никифора Александровича Ильинского «Из далекого прошлого», электронная копия которых находится в Вологодском архиве². Воспоминания Бориса Вячеславовича и о. Вячеслава Александровича Ильинских были любезно предоставлены нам О. Б. Ушаковой, внучкой В. А. Ильинского. В этом же ряду следует указать воспоминания А. А. Турундаевского «Наша семья» [История: 191–355]. Отдельно назовем статью обновленческого прото-

---

¹ РГАЛИ Ф. 556. Оп. 1. Д. 80.

² ГАВО Ф. Р-5250. Оп. 1. Д. 1–2.

Фотография выпускников Вологодской семинарии 1894 г., сделанная в 1904 г. Хранится в Куженерском историко-краеведческом музее (Республика Марий Эл)¹.

иерея Тихона Шаламова (отца писателя В. Шаламова) «Наши иерархи» с воспоминаниями о прошлом в газете Церковная заря 1922 г. [Шаламов]. В ней немного новых деталей, но пафос обличения и отрицания старых порядков удивительно напоминает повесть Шадрина.

Рецензию о повести Шадрина «Бурса» опубликовал в 1914 г. Е. А. Бурцев, озаглавив ее «Книга жалкой мести» [Бурцев]. Опровергая художественное изображение, автор рецензии избрал довольно уязвимую позицию, обратившись к подробному сравнению действительных обстоятельств жизни Вологодской семинарии с описанными в повести Шадрина.

Творческая история повести «Бурса» относится к рубежу веков. По словам Шадрина, написана она была в 1905 г. «в бытность в военной службе» [Бачалдин: 26], но первые наброски к повести есть уже в дневнике за 1897 г., а отдельные рассказы, вошедшие позднее в текст «Бурсы», Шадрин начал писать еще на четвертом курсе семинарии. Публиковалась повесть фрагментами в журнале «Красный звон» в 1908–1909 гг., а в 1913 и 1917 гг. вышла отдельными изданиями.

---

¹ Автор статьи и редакция журнала благодарят директора Куженерского историко-краеведческого музея Т. В. Огородникову за предоставленные копии фотографий.

Структурно повесть представляет серию очерков — не всегда выделенных отдельными заголовками, но отличающихся сюжетом и стилистикой: детство дьяконского сына в деревне, пьяные бесчинства отца, бедность и бесправие, особенно беспросветные для дьяконских дочерей; первые впечатления от бурсы, преподавателей и учебного процесса; отдельные зарисовки: каникулы, экзамены, карцер, первая любовь, кутежи, сватовство, семинарские беспорядки... Объединяет очерки образ повествователя — Гриши Никольского, столь же мечтательного и погруженного в свои переживания, как и сам Иларию Шадрин.

В повести преобладает критика семинарской и церковно-административной системы, калечащей живые души своих воспитанников. «Ни разу: за все шесть лет семинарской жизни, ученики не припомнят случая, чтобы к ним проявили хоть показное, хоть слабое участие, чтобы хотя одним случаем признали в них личность и равноправие» [Шадрин 1917: 200]. В составе семинарской инспекции нет «ни одного, который хотя немного походил бы на воспитателя. Все какие-то урядники...» [Шадрин 1917: 271]. «В современной бурсе я не нашел ярких, интересных образов, не нашел крупных личностей, — пишет Шадрин, — жизнь семинариста-бурсака проходит в зубрении до отупения и в пьянстве». И как вывод: «Измените условия его жизни, дайте ему побольше свободы и света... и вы увидите яркие образы и крупные характеры» [Шадрин 1917: 368].

Отмечая субъективность этих крайне тенденциозных оценок, Е. А. Бурцев возражал автору повести: «За самыми незначительными исключениями учителя семинарии были люди совершенно трезвые и в высокой степени трудолюбивые» [Бурцев: 130]. Добавим, что и товарищи Шадрина по семинарии были вполне яркими и одаренными людьми. Несомненно, что художественное преломление реальных впечатлений Шадрина в повести «Бурса» происходило под влиянием, во-первых, собственного негативного эмоционального фона, во-вторых, сложившейся литературной традиции, отдававшей предпочтение социальной сатире.

Ближайший литературный контекст «Бурсы» Шадрина сформировался под влиянием «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловского. Написанные много раньше они были перед глазами всех последующих писателей-семинаристов. Сознательно или бессознательно реальность и воспоминания сравнивались с «классическим» образцом. Это отразилось в

названиях: «Бурса» И. Г. Шадрина (1913), «Новая бурса» Л. М. Добро- правова (1913), «Семинарские очерки» С. М. Беляева (1906), «Из быта новейшей бурсы» А. П. Куркина (1910), «В бурсе» А. А. Измайлова (1903), «Бурса» А. Воронского (1933), «Записки семинариста» Н. Ру- мянцева (1906). Во всех этих попытках осмысления своего духовно- учебного опыта присутствует сатирическое обличение, болезненное противостояние личности и «системы», недовольство формализмом «воспитателей»-надзирателей, вольнодумство или даже бунтарство. Книга Шадрина выделяется из этой череды, пожалуй, лишь тотальным отрицанием каких-либо достоинств семинарского обучения и боль- шей погруженностью автора в свой собственный мир.

Помимо наиболее заметной «обличительной» линии «Бурсы», опи- санная в повести Шадрина жизнь семинариста представлена живой и разносторонней. Есть упоминания о серьезном образовании, осно- вательных знаниях, о талантливых и творческих педагогах, широком круге чтения (в том числе, и даже особенно книг, запрещенных цен- зурой). Были в бурсе, как оказывается, и свои святые и праведники, конечно, незаметные и до времени неизвестные.

Несмотря на авторскую оговорку, что он делал «попытку... дать типы, обобщить жизнь духовной школы» и «местами включал мно- гое, не бывшее в наше время в семинарии» [Бачалдин: 26], реальным источником повести «Бурса» следует считать историю Вологодской семинарии.

Портретная галерея преподавателей семинарии представлена в повести глазами ученика, своевольного и не особенно старательно- го. Иные характеристики находим в замечательных воспоминани- ях многолетнего помощника инспектора Вологодской семинарии Н. А. Ильинского «Из далекого прошлого». Это взгляд администрато- ра, добросовестного и честного.

Учитель церковной истории описан Шадриним как «мрачный, вы- сокий и совершенно лысый господин, с грубым крикливым голосом, подозрительными, недружелюбными глазами, которые, казалось, ни- когда не смеялись» [Шадрин 1917: 38], как «строгий формалист, не знающий никакой жалости» [Шадрин 1917: 333]. Таким под пером Ша- дрина стал Евлампий Арсеньевич Бурцев (1858–1924) — многолетний преподаватель Архангельской и Вологодской семинарии, смотритель Никольского и Оренбургского духовных училищ, один из организа-

торов Великоустюжского краеведческого музея и автор статьи «Книга жалкой мести», в которой защищает своих коллег и себя от незаслуженно резких оценок. В воспоминаниях Н. А. Ильинского сохранилось описание Бурцева как «человека прямого, замкнутого в себя и вообще скупого на похвалы»¹.

Портрет учителя философии и психологии Василия Васильевича Смелкова дается в повести Шадрина в обрамлении художественных деталей, передающих особенности его характера: «Строгий педант, аккуратный, затянутый, как барышня на балу, точный до смешного. Объяснение начинал он всегда непременно одною и той же фразой: “В прошлый раз я говорил вам”. Но забавнее всего была его манера застегивать сюртук. Здесь он допускал некоторое разнообразие, но не случайное, а в строгом порядке следующее одно за другим. Если в понедельник сюртук его был застегнут на две верхние пуговицы правого борта, то завтра обязательно будет наоборот, послезавтра опять на две пуговицы правого борта и т. д. Если же все пуговицы застегнуты — это значило: жди беды, значит господин философ не в духе. Но всего хуже было то, что он прекрасно знал все уловки учеников и жестоко пользовался своим оружием. Зная, что даже лучшие ученики не прочь иногда полукавить, он “подсиживал”, т. е. на следующий урок, или еще через урок, снова спрашивал ответившего и торжественно ставил ему единицу, так как только что спрошенный, конечно, не знал урока» [Шадрин 1917: 66–67]. Воспоминания о Смелкове Ильинского сообщают, что он был выпускником Вологодской семинарии (1876) и Петербургской духовной академии (1882), «отличался скромностью и пунктуальной служебной аккуратностью. Оставил службу в семинарии в 1895 г., за назначением его на должность епархиального наблюдателя церковных школ. С упразднением этой должности был определен кафедральным протоиереем и на этом посту скончался 29 февраля 1920 г.»².

Очевидным прототипом учителя нравственного богословия и догматики в повести «Бурса» Василия Карповича был Василий Стефанович Карпов (1850–1913), многолетний преподаватель богословия и еврейского языка, с 1894 г. священник, протоиерей, настоятель Спа-

---

¹ *Ильинский Н. А.* Из далекого прошлого. ГАВО Ф. Р-5250. Оп. 1. Д. 1. Л. 294.

² Там же. Л. 387–387 об.

совсеградского собора. В воспоминаниях Ильинского он представлен «общим любимцем учеников. Всегда деликатный, предупредительный и вежливый. <...> в то же время был крайне снисходителен ко многим ученическим слабостям»¹.

Шадрин критикует непоследовательность преподавателя богословия и представляет его прячущимся за внешние авторитеты при неудобных вопросах семинаристов. Однако и по тексту «Бурсы», и по дневникам Шадрина видно, насколько сильно задевали семинаристов вопросы, ставившиеся именно на богословских предметах, — тем самым волей-неволей свидетельствуется педагогический талант В. С. Карпова. А солидарный с Шадриним в отвержении старого семинарского обучения Тихон Шаламов даже комплиментарно отзывался о В. С. Карпове, называя его самым передовым среди преподавателей [Шаламов: 5].

В повести «Бурса» изображены также преподаватели греческого языка Мухоморович (Александр Никанорович Макарьин) и Картошка (Константин Павлович Заболотский), учитель гомиетики Коля-Лапоть (Николай Иванович Малиновский) и др.

Впрочем, настоящую боевую семью для семинариста составляют не преподаватели — они только снаружи, извне; даже самые симпатичные преподаватели все-таки воспринимаются с недоверием. Ближние семинариста — его одноклассники. Все встречающиеся в повести «Бурса» персонажи имеют своими прототипами учеников второго отделения семинарии, в котором учился Шадрин.

Прототипом заметного героя повести Ивана Ивановича Смилева стал Иван Иванович Смелков — хулиган и последний в списке ученик в классе. Удалось установить основные контуры его биографии. Родился при Летской церкви Усть-Сысольского уезда Вологодской епархии; по окончании семинарии с 1894 г. учительствовал в образцовой школе г. Сольвычегодска; с 1896 г. служил псаломщиком Иртовской Воскресенской церкви Яренского уезда; с 1899 г. — священник Онежской Богородской церкви того же уезда; в 1904 г. был перемещен к Преображенской Сойгинской церкви Сольвычегодского уезда, а в 1908 г. по судебному решению епархиального начальства отрешен от места с определением на причетническую должность. Не удалось выяснить, в чем была вина о. Иоанна, но можно предположить, что и в священни-

---

¹ Там же. Л. 93 об.

ческом сане он не остепенился. В 1908 г. определен на место псаломщика при Вожежско-Цилибской церкви Яренского уезда [Православные приходы]; в 1914 г. — священник Знаменской Верхне-Уфтюжской церкви г. Тотьмы [Бачалдин: 37].

Ученик Сибиряков в повести «Бурса» был одним из приятелей Гриши Никольского по кутежам. В этом образе угадывается Владимир Васильевич Сибирцев. Он родился, как и Шадрин, в 1872 г., происходил из крестьян, проживал в с. Георгиевское Свердловского района Вологодского округа Северного края, где служил священником в Георгиевской церкви. 22 декабря 1930 г. был арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации» как священник и расстрелян 11 июня 1931 г. [За веру Христову: 505].

В колоритной фигуре шадринской «Бурсы» Варуха (Еремина) легко просматривается личность ученика Константина Гаврииловича Еремиевского. Как удалось установить, к 1914 г. он успел овдоветь, был священником Туровецкой Богоявленной церкви Устюжского уезда [Бачалдин: 15]. Написал воспоминания о помощнике инспектора А. Д. Брянцеве «Добрая память о добром старце» [Еремиевский: 440], опубликованные, как и другие статьи этого автора, в «Вологодских епархиальных ведомостях».

В образе Николая Сопилова, «первого силача в классе», нетрудно угадать Николая Васильевича Соловьева (1874–1922). Дальнейшее образование Соловьев продолжил на медицинском факультете Томского университета, но был исключен за участие в студенческих волнениях. Доучившись в Юрьевском университете, с 1902 г. начал трудиться в Ярославской земской губернской больнице. «С 1914 г. заведующий специализированным хирургическим лазаретом. Впоследствии главный врач больницы, которой присвоено его имя» [Беляев: 20; Колодин: 307–313]. Идентификация прототипа подтверждается дневниковой записью Шадрина, параллельной описанию потасовки Сопилова и Куприна в начале повести «Бурса»¹.

Еще один одноклассник Шадрина — Михаил Александрович Образцов — также пошел по медицинской стезе. В повести «Бурса» он изображен как Мишка Кот. А. Турундаевский позднее вспоминал: «Многие семинаристы не пошли дорогой своих предков. Одним из них был друг дяди Саши (Александра Васильевича Турундаевского)

---

¹ РГАЛИ Ф. 556. Оп. 1. Д. 80. Л. 3–4.

Михаил Левицкий. В книге “Бурса” Иларию Шадрин называет его Миша Кот. После семинарии Левицкий окончил университет по медицинскому факультету и до глубокой старости работал в Вологде врачом-терапевтом. Он в числе первых встал “на платформу советской власти”, тогда как многие старые врачи царского времени задумывались, как принять новую власть. Мог душевно беседовать, успокаивающе действовать на пациента. Умер врач Левицкий в 1965 году» [История: 280]. В этих воспоминаниях перепутаны имена. Мишка Кот в «Бурсе» учится вместе с Гришей в одном классе до окончания семинарии. Фамилия Левицкий, однако, вовсе не значит среди выпускников Вологодской семинарии. Есть Левитские. Но в сколько-нибудь близкие годы Михаила Левитского нет. В классе Илария Шадрина было четыре Михаила: Образцов, Панебратцев, Волокитин и Поддьяков. Двое последних приняли священный сан. Панебратцев стал преподавателем в женской гимназии; Образцов — врачом в Якутске. На сайте Якутского медицинского колледжа написано, что директором Якутской фельдшерской школы с 1909 по 1914 г. был Михаил Александрович Образцов. Вполне возможно, что после 1914 г. он вернулся в Вологду.

О прототипе Миши Пантюхина можно говорить с определенной долей уверенности. Это Михаил Михайлович Панебратцев. Помимо совпадения имени и первой буквы фамилии, есть еще несколько аргументов в пользу этой идентификации. Пантюхин представлен как один из авторов семинарского журнала «Опыты», а в дневниках Шадрина в числе немногих учеников, писавших для журнала, указан Панебратцев. Его увлечение словесностью прослеживается и в последующие годы: учился в Нежинском историко-филологическом институте, в 1914 г. преподавал в женской гимназии в г. Ромнах Полтавской губернии [Бачалдин: 36], автор «Методической грамматики русского языка для средних учебных заведений и самообразования». О нем говорится в одном из писем В. Г. Короленко к И. Ф. Анненскому от 10 мая 1907 г.: «Михаил Михайлович Панебратцев — тот самый полтавский учитель, о котором я уже Вам говорил. Основа его злоключений: Киевский округ хотел перевести его в Умань. Он уперся. Тогда округ, осердившись, — не утвердил его учителем даже в частной гимназии. Итак — для Умани годится, для частного уч<ебного> заведения не годится! Буду глубоко признателен, если Вы окажете ему внимание и дадите руководящие в лабиринте ведомства советы» [Анненский: 409].

Несколько приниженным изображается в повести «Бурса» одноклассник Гриши Никольского — Петька (в некоторых местах последовательно Дмитрий Павлович): Куприн, Крыса, «толстый, щетинистый и курносый бурсак». Прототипом этого образа был Дмитрий Константинович Куклин. Его послужной список включает обязанности псаломщика Сольвычегодской Борисоглебской церкви Вологодской епархии (1895), псаломщика Жешартской Спасской церкви Яренского уезда (1896), священника Благовещенской Ербуговской церкви Вологодского уезда (1899), Стефановской кладбищенской церкви г. Устюга (1912) [Православные приходы]. С начала 1931 г. начались аресты и ссылки — в Коми, в Казахстане. За «проведение нелегальных сборищ» и «распространение антисоветской агитации против колхозного строя» иерей Д. К. Куклин был расстрелян. Его имя включено в Собор новомучеников и исповедников Российских постановлением Синода от 27 декабря 2000 г.

Система образов повести «Бурса», помимо преподавателей и учащихся, включает администрацию учебного заведения. В жизни семинаристов инспекция занимала уникальное место. Если преподаватели — это внешние наблюдатели, иногда досадные препятствия, но в общем и целом чужеродные явления, то администрация: ректор и особенно инспектор и помощники инспектора — это противники, враги, которые либо побеждают, либо повержены.

Образ ректора, его напутственное слово выпускникам, воссозданные Шадриним в повести, приближены к историческому портрету о. Иоанна Лебедева. Посвященные ему строки проникнуты особым чувством: «На амвон вышел ректор и начал свое прощальное слово. Он был тоже взволнован. Его выразительное лицо было грустно... Он густо крякнул, поправил свою львиную гриву на львиной голове и начал речь низким, прерывающимся голосом. Отрывисто, с одышкой говорил он, но говорил веско, с чувством. Не длинна была речь и не блистала перлами риторического красноречия, и не радости жизни сулила она слушателям, но добралась до самого сердца и на глаза многих вызвала слезы. “В мире скорбни будете”, — начал он напутственными словами Христа ученикам. Далее он ярко обрисовал незавидную и трудовую долю сельского священника со всеми ее темными сторонами, искушениями и невзгодами. “Но мужайтесь, яко аз победил мир”, — утешал и ободрял он слу-

шателей словами Великого Учителя... Семинаристы слушали, затаив дыхание...» [Шадрин 1917: 359–360]. Воспоминания Шадрина об о. Иоанне были опубликованы в «Вологодских епархиальных ведомостях» [Шадрин 1896].

Менее лестные упоминания о «ректоре-корове», монахе, по слухам состоящем в конкубинате, относятся к ректору архимандриту Василию (Лузину), занимавшему эту должность после, с августа 1895 г. по ноябрь 1896 г. Этот художественный образ повести «Бурса» также максимально приближен к историческому портрету. О. Василий был из вдовых священников, племянник известного толкователя Евангелия Михаила (Лузина). По ряду причин он не смог стать хорошим администратором, и через год после назначения «атмосфера для архимандрита Василия как в семинарии, так и в городе создалась неблагоприятная»¹. Он был перемещен на должность настоятеля Арзамасского Спасо-Преображенского монастыря.

Исключительно темными красками нарисован в повести «Бурса» образ инспектора Петра Успенского, прозванного Плакидой и бывшего главным источником неприятностей учащихся, — «низенького, толстобрюхого попика, с масляною физиономией, гладко причесанными, точно всегда смоченными, льняного цвета волосами, с мягким, ровным голосом <...> было что-то в о. инспекторе притворно-плаксивое, кислое» [Шадрин: 42]. И далее инспектору достается от автора и за нудные наставления, и за напыщенные проповеди, и за принудительное благочестие.

Насколько соответствуют зарисовки Шадрина реальному образу о. Петра, показывают документальные источники. Петр Иванович Успенский (1859–1936) был сыном священника Тверской епархии; закончил Тверскую семинарию (1879) и Санкт-Петербургскую духовную академию (1883). Преподавал Св. Писание в Вологодской семинарии. В 1885 г. его рукоположили во священники Вологодского кафедрального Софийского собора; затем последовало назначение инспектором Вологодской семинарии. В этой должности находился до начала 1897 г., когда был переведен преподавателем в Тамбовскую семинарию, где прослужил до 1908 г. Состоял членом Тамбовской духовной консисто-

---

¹ Ильинский Н. А. Из далекого прошлого. ГАВО Ф. Р-5250. Оп. 1. Д. 1. Л. 261.

рии. Некоторое время был обновленческим епископом Орла и Тамбова, сохраняя в монашестве имя Петр¹.

В оценке о. Петра солидарен с Шадриним Тихон Шаламов, писавший в 1922 г.: «Воспитателем юношества, инспектором, был отвратительный ханжа и лицемер, священник Петр Успенский, по прозвищу Плакида. Казалось, он нарочно поставлен был для того, чтобы вытравить последнее религиозное чувство в своих учениках» [Шаламов: 6].

Более спокойной и объективной оценки придерживался Н. А. Ильинский: «Небольшого роста, в то время тощий — своей фигурой он не производил выгодного впечатления. Преподавание он вел довольно вяло, говорил гнусаво. Уже и в то время у Петра Ивановича замечалась склонность делать ученикам, иногда по пустому случаю, нотации и читать морали, что учеников, особенно старших классов, всегда раздражало. Как инспектор, он применил свою манеру к нравоучительным беседам в самом широком масштабе. Ученики терпеливые и по характеру добродушные к таким воспитательным приемам П. Ив-ча относились или добродушно, или безразлично, но на юнцов невыдержанных, с характером неуравновешенным они действовали раздражающе и вызывали ропот и неудовольствие»². Вместе с тем Ильинский отмечает многие достоинства о. Петра: «С первых же шагов его деятельности можно было видеть, что о. Петр был замечательно трудоспособный человек. Постоянно он был за делом, усердно следил за учениками как в корпусе семинарии, так и на квартирах. На все он старался обращать внимание и делать изменения или дополнения в распорядках жизни учеников»³. К положительным оценкам присоединил свой голос преподаватель семинарии В. К. Лебедев, резюмировав административный путь о. Петра: «Инспектор Успенский очень ревностно исполнял свои обязанности, но ученики почему-то недолго любили его и после одной неприятной истории (ученики побили одного семинариста, подозревая в шпионстве инспектору) по

---

¹ ГАВО Ф. 466. Оп. 2. Д. 20. Формулярный список прот. П. Успенского. Л. 1 об. – 8.

² *Ильинский Н. А.* Из далекого прошлого. ГАВО Ф. Р-5250. Оп. 1. Д. 1. Л. 201 об. – 202.

³ Там же. Л. 202 об.

донесению Еп. Алексея он был переведен на должность преподавателя в Тамбовскую семинарию»¹.

Состав Вологодской семинарской администрации менялся. Неприятных служителей терпели, в отдельных выдающихся случаях жаловались или бунтовали. Но подлинное воспитание держалась на немногих подвижниках духовно-учебного ведомства. Несмотря на свой априорный принцип тотальной критики и отвержения старых порядков, Шадрин, как добросовестный, хотя и мечтательный наблюдатель, этого скрыть не мог.

Многолетний помощник инспектора Аркадий Досифеевич Брянцев [Еремиевский; Кремлевский], имевший прозвище Папаша, выведен в повести «Бурса» в тональности сердечного расположения и благодарности. Не одно поколение вологодских семинаристов связывали свои лучшие воспоминания о семинарских порядках с этим, занимавшим незначительную должность, человеком. Уважением пронизаны описания и другого помощника инспектора — Никифора Александровича Ильинского. Предположительно его изобразил Шадрин в «Бурсе» под именем Тимофея Александровича, Тимохи.

Восхищенного отзыва Шадрина в «Бурсе» удостоился только один инспектор: «Эх, братцы, вот Амфилохий был инспектором — не житье, а масленица была. Тут о бунтах и разговору не было. И ректор тогда был хороший... Жаль одного — были они с Амфилохием недолго, — показались и ушли» [Шадрин 1917: 235]. Под именем Амфилохия выведен иеромонах Феофан (Василий Васильевич Харитонов; 1869–1937), служивший инспектором Вологодской семинарии в 1897–1901 гг. Уже тогда строгий подвижник и истинный монах, уволившись из семинарии, он уехал на Афон, где подвизался до смерти. В конце жизни был духовником русских насельников Карули и весьма почитаемым старцем. Несмотря на согласное мнение современников, что для должности инспектора о. Феофан не годился, воспоминания о его деятельности остались исключительно светлые, как у воспитанников, так и у сослуживцев. То, что под именем Амфилохия Шадрин изобразил о. Феофана (Харитонова), подтверждается описанным в повести «Бурса» похищением штрафной книги, известным по воспоминаниям Ильинского и по официальному донесению в Журнале педагогических собраний.

---

¹ Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Ф. 15. Оп. 1. Д. 7. Л. 253 об.

Повесть И. Г. Шадрина «Бурса», сохранившиеся дневники писателя¹, его ранние рассказы, как изданные [Шадрин 1914], так и оставшиеся в рукописях², составляют литературное наследие писателя, автобиографическая основа которого включает опыт и впечатления лет, проведенных в стенах Вологодского духовного училища и семинарии. Эта приближенность художественного повествования к документальности дает основание рассматривать повесть «Бурса» как один из источников при изучении истории Вологодской семинарии.

Между тем художественные образы, созданные Шадриним, не являются исторически точными портретами и объективными характеристиками реальных персон. В повести «Бурса» мало точных указаний на даты. Ее несомненная ценность заключается в россыпи наблюдений, подробностей, бытовых деталей, которые были уловлены и запечатлены автором. Именно конкретные живые зарисовки, а не публицистические полемические аргументы составляют главную ценность «Бурсы».

Наконец, следует отметить, что И. Г. Шадрин был излишне погружен в собственные переживания, так что присущий автору эгоцентризм, обдумывание своих обстоятельств и роли в них его собственной персоны занимает весьма значительное место как в дневниках, так и в художественных произведениях.

---

1 РГАЛИ Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 80 и др.

2 РГАЛИ Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 12 и др.

Список литературы
Источники

Анненский И. Ф. Письма: в 2 т. / сост. и коммент. А. И. Червякова. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2007. Т. 1: 1879–1905. 449 с.

Бачалдин И. С. Второй товарищеский съезд бывших воспитанников Вологодской духовной семинарии 1894 г. выпуска. Вологда: Тип. Губернского правления, 1915. 38 с.

Еремиевский К. Добрая память о добром старце [Аркадии Досифеевиче Брянцева]: (Из воспоминаний бывшего семинариста) // Вологодские епархиальные ведомости. 1908. № 19. С. 439–440.

За веру Христову. Духовенство, монашество и миряне Русской православной церкви, репрессированные в Северном крае (1918–1951): биографический справочник / сост. С. В. Суворова; Архангел. и Холмогор. епархия. Архангельск: Православ. издат. центр, 2006. 683 с.

Иларион (Алфеев Г. В.). Православное богословие на рубеже столетий: статьи, доклады. М.: Крутиц. Патриаршее Подворье, 1999. 426 с.

История от первого лица: мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах сельских жителей / сост., науч. ред. В. Н. Матонин. Архангельск; М.: Т-во Северного Мореходства, 2011. 359 с.

Кремлевский А. М. Аркадий Досифеевич // Странник. 1901. № 5. С. 800–817.

Православные приходы и монастыри Севера. URL: <http://parishes.mrezha.ru/> (дата обращения: 23.03.2021).

Следников Н. Н. Товарищеский съезд питомцев духовной семинарии, через 10 лет после окончания ими курса // Вологодские епархиальные ведомости. 1904. № 16. С. 440–444. 1904. № 17. С. 462–473.

Шадрин И. Г. Бурса: Повесть из современной жизни духовных семинарий и духовенства. Пг.: Тип. Л. Я. Гинзбурга, 1917. 368 с.

Шадрин И. Г. Памяти ректора Вологодской духовной семинарии протоиерея Иоанна Арсеньевича Лебедева. // Вологодские епархиальные ведомости. 1896. № 10. С. 181–184.

Шадрин И. Г. Сильнее смерти и другие рассказы. СПб.: Тип. Печ. труд, 1914. 263 с.

Шаламов Т., прот. Наши иерархи // Церковная заря. 1922. № 3. С. 5–7.

Исследования

Беляев В. И. Здравоохранение Ярославля в прошлом и настоящем. Ярославль: Ярославский мед. ин-т, 1961. 136 с.

Бурцев Е. А. Книга жалкой мести // Миссионерское обозрение. 1914. № 1. С. 119–131.

Колодин Н. Н. Ярославские эскулапы: в 3 т. Ярославль: Канцлер, 2008–2009. Т. 1: Земцы. 2008. 374 с.

References

Beliaev, V. I. *Zdravookhranenie Iaroslavlia v proshlom i nastoiashchem* [*Health Care of Yaroslavl in Past and Present*]. Iaroslavl', Iaroslavskii meditsinskii institut Publ., 1961. 136 p. (In Russ.)

Burtsev, E. A. "Kniga zhalkoi mesti" ["The Book of Pathetic Revenge"]. *Missionerskoe obozrenie*, no. 1, 1914, pp. 119–131. (In Russ.)

Kolodin, N. N. *Iaroslavskie eskulapy: v 3 t.* [*Yaroslavl Aesculapians: in 3 vols.*], vol. 1. Iaroslavl', Kantsler Publ., 2008, 374 p. (In Russ.)